
НОВАЯ
ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

А. А. ВАСИЛЬЕВ

ИСТОРИЯ
ВИЗАНТИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

ВРЕМЯ ДО КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

УДК 94(495).01/02

ББК 63.3(0)4

В 191

Васильев А. А.

В 191 История Византийской империи. Время до Крестовых походов (до 1081 г.) / А. А. Васильев; вст. ст., примеч., науч. ред., пер. с англ. яз. А. Г. Грушевого. – СПб.: Алетейя, 2017. – 516 с. – (Серия «Новая Византийская библиотека. Исследования»).

ISBN 978-5-89329-071-4

В научном наследии выдающегося русского византиниста и арабиста А. А. Васильева (1867–1953) особое место занимают работы общего плана, охватывающие всю историю Византии. На русском языке в первой четверти XX века вышли его работы: 1) Лекции по истории Византии. Время до Крестовых походов (до 1081 года); 2) История Византии и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081–1184) и Ангелов (1185–1204); 3) История Византии. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204–1261); 4) История Византии. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261–1453). После эмиграции А. А. Васильева работы неоднократно переиздавались им на иностранных языках, с дополнениями и изменениями, обретая качество всеобъемлющего монографического исследования, одного из важнейших в мировой византистике. Этим и определяется актуальность издания работы в полном объеме на русском языке.

«Истории Византийской империи» А. А. Васильева свойственны два основных качества – яркость, живописность, образность изложения, позволяющая каждому читателю быть живым свидетелем описываемых событий, присутствовать в той бесконечно далекой и одновременно немислимо близкой эпохе, а также скрупулезнейшая научная точность, почти педантичность (но без наукообразного занудства) в характеристике исторических фактов, событий и процессов.

Все дополнения А. А. Васильева переведены с английского. Из второго американского издания взяты также все примечания, отсутствующие в русском тексте, библиография и индексы. Новому русскому изданию предпослана вступительная статья о жизненном и научном пути А. А. Васильева.

Текст книги заново отредактирован. Для самого широкого круга читателей

УДК 94(495).01/02

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-89329-071-4

9

7 8 5 8 9 3 4 2 9 0 7 1 4

© А. Г. Грушевой, вступ. ст., примечания,
пер. на русск. язык, указатель, 1998

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

К переизданию цикла общих работ А. А. Васильева по истории Византии

1. Основные веки жизни А. А. Васильева

В очередных томах серии «Византийская библиотека» издательство «Алетейя» приступает к изданию цикла общих работ А. А. Васильева по византистике. В связи с этим представляется необходимым сказать несколько слов об авторе, его работах по истории Византии и принципах, положенных в основу предлагаемого издания.

Писать о биографии А. А. Васильева (1867—1953) достаточно сложно, ибо литературы о нем почти нет,¹ архива ученого в России также нет и поэтому излагаемая ниже систематизированная информация о его жизни, взятая из разных источников, не может претендовать на исчерпывающую картину его жизни.²

¹ По причинам, излагаемым ниже, его имя замалчивалось.

² При написании этой статьи использованы следующие два издания: И. В. Куклина. А. А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки. — В кн.: Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1996, с. 313—338. *Sirarpie Der Nersessian*. Alexander Alexandrovich Vasiliev. Biography and Bibliography. — *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 9—10. Washington (D. C.), 1956, pp. 3—21. В советские времена об А. А. Васильеве была опубликована краткая, благожелательно-нейтральная заметка в первом издании БСЭ (т. 9, М., 1928, с. 53—54), и небольшая статья И. П. Медведева в следующем издании: *Славяноведение в дореволюционной России*. Библиографический словарь. М., 1979, с. 92—94. Последние работы об А. А. Васильеве: Г. М. Бонгард-Левин, И. В. Тункина. М. И. Ростовцев и А. А. Васильев (новые архивные материалы) — ВДИ, 1996, № 4, с. 168—188; *их же*. М. И. Ростовцев и А. А. Васильев: Шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества. — В изд.: Скифский роман. Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1977, с. 259—289. Эти публикации дают больше ценного нового материала для характеристики жизни и научного творчества М. И. Ростовцева, чем А. А. Васильева. Письма М. И. Ростовцева к А. А. Васильеву приведены полностью, тогда как письма А. А. Васильева к М. И. Ростовцеву лишь кратко цитируются.

Александр Александрович Васильев родился в Петербурге в 1867 году. Он учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета и получил широкое образование как в области восточных языков (арабский и турецкий) и истории, так и в классических языках и истории, не считая обязательных современных языков. По словам самого А. А. Васильева, его научная судьба определилась случайно. Византинистикой ему посоветовал заняться его преподаватель арабского языка, знаменитый барон В. Р. Розен, направивший его к не менее знаменитому византинисту В. Г. Васильевскому. Последовавший затем благожелательный прием В. Г. Васильевского¹ и первое знакомство с византийской историей в изложении Гиббона, помогли ему выбрать направление специализации. Отметим, однако, что хорошая востоковедная подготовка позволила А. А. Васильеву не только сочетать в своей работе византистику и арабистику,² но и проявить себя арабистом в собственном смысле слова. А. А. Васильев подготовил критические издания с переводом на французский двух арабских христианских историков — Агафия и Йахьи ибн Саида.³ Видимо, у А. А. Васильева была и еще одна возможность проявить себя профессиональным востоковедом. Если судить по одному письму М. И. Ростовцеву от 14 августа 1942 г.,⁴ А. А. Васильев какое-то время преподавал в Санкт-Петербургском университете арабский язык. В упомянутом письме речь идет среди прочего о том, что А. А. Васильев обучал в университете литературоведа Г. Л. Лозинского основам арабского языка.

Для научной судьбы А. А. Васильева большое значение имели три года, проведенные им за границей в качестве стипендиата историко-филологического факультета. Благодаря поддержке В. Г. Васильевского, П. В. Никитина и И. В. Помяловского А. А. Васильев провел 1897—1900 гг. в Париже со стипендией сначала 600 рублей в год, затем — 1500 руб. Во Франции он продолжил изучение восточных языков (арабский, турецкий и эфиопский). За эти же годы им были подготовлены магистерская и докторская диссертации о взаимоотношениях Византии и арабов. Вскоре эти труды обрели вид двухтомной монографии, переведенной, правда, гораздо

¹ В научном плане именно В. Г. Васильевский был учителем А. А. Васильева.

² История византийско-арабских отношений оставалась одним из важнейших направлений научной деятельности А. А. Васильева.

³ Во втором случае издание подготовлено совместно с И. Ю. Крачковским. Подробная информация о самих изданиях — ниже, в списке работ А. А. Васильева.

⁴ См.: Г. М. Бонгард-Левин, И. В. Тункина. М. И. Ростовцев и А. А. Васильев... с. 174.

позже на французский язык (список трудов А. В. Васильева см. ниже).

Весной 1902 г., вместе с Н. Я. Марром, А. А. Васильев предпринял путешествие на Синай, в монастырь Св. Екатерины. Его интересовали хранящиеся там рукописи Агафия. В том же году А. А. Васильев провел несколько месяцев во Флоренции, также работая над рукописями Агафия. Подготовленное им издание текста достаточно быстро вышло в свет в известном французском издании *Patrologia Orientalis*.¹ Издание текста второго арабского христианского историка — Йахьи ибн Саида — было подготовлено А. А. Васильевым и И. Ю. Крачковским позже — в двадцатые-тридцатые годы.

Научная карьера А. А. Васильева была успешной. В 1904—1912 гг. он был профессором Дерптского (Юрьевского) университета.² Принимал А. А. Васильев участие и в работе существовавшего до первой мировой войны Русского археологического института в Константинополе. В 1912—1922 гг. он был профессором и деканом историко-филологического факультета Петербургского (затем — Петроградского) педагогического института. С того же 1912 года по 1925 год А. А. Васильев был профессором Петроградского (затем Ленинградского) университета. Кроме того, А. А. Васильев работал в РАИМК-ГАИМК,³ где с 1919 г. занимал должность зав. разрядом археологии и искусства древнехристианского и византийского. В 1920—1925 гг. он был уже председателем РАИМК.

Нужно также отметить, что с 1919 г. А. А. Васильев был членом-корреспондентом Российской Академии наук. Без ссылок на источники авторы публикации писем М. И. Ростовцева к А. А. Васильеву сообщают, что постановлением Общего собрания АН СССР от 2 июня 1925 г. А. А. Васильев был исключен из АН СССР и восстановлен только посмертно, 22 марта 1990 г.⁴

В 1934 г. он был избран членом Югославской Академии наук. В последующие годы А. А. Васильев был также президентом института им. Н. П. Кондакова в Праге, членом американской Академии Средневековья и — в последние годы жизни — председателем Международной Ассоциации византистов.

Переломным в жизни А. А. Васильева стал 1925 г., когда он поехал в официальную зарубежную командировку, не имея спе-

¹ Полное описание издания — ниже в библиографическом списке.

² Ныне Тартуского (в Эстонии).

³ Официальное название учреждения, ставшего несколько позже Институтом археологии Академии наук. РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры; ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.

⁴ Г. М. Бонгард-Левин, И. В. Тункина. М. И. Ростовцев и А. А. Васильев... с. 170.

циальной мысли эмигрировать из России. Однако несколько встреч в Париже с М. И. Ростовцевым, известным русским антиковедом, уехавшим из России вполне сознательно, решили судьбу А. А. Васильева. М. И. Ростовцев еще в 1924 г. предложил А. А. Васильеву содействие в получении места в Висконсинском университете (Мадисон) в связи с тем, что сам М. И. Ростовцев переезжал из Мадисона в Нью Хейвен.¹

А. А. Васильев согласился и, выехав летом 1925 г. в Берлин и Париж, во Франции сел на пароход до Нью Йорка, имея официальное приглашение на год от Висконсинского университета. Осенью того же 1925 г. он уже имел работу в Америке. Сохранившиеся в Архиве С. А. Жебелева и других ученых письма А. А. Васильева показывают в то же время, что сам А. А. Васильев регулярно продолжал обращаться с просьбами через С. А. Жебелева о предании своему статусу официального характера — он просил об официальном продлении своей командировки. Просьбы его удовлетворялись Наркомпросом и подтверждались Академией наук. Однако в конце концов 1 июля 1928 г. было признано предельным сроком продления его командировки. А. А. Васильев не вернулся ни к этому сроку, ни когда-либо позже. Письмо С. А. Жебелеву, в котором он объяснял причины этого, выглядит очень дипломатично, мягко, но, скорее всего, не раскрывающим основного,² ибо слова А. А. Васильева о заключенных контрактах, наладившейся работе, об отсутствии заработка в Ленинграде имеют, бесспорно, отношение к сложившейся ситуации,³ но кое-что оставляют и в тени.

Ввиду того что архив А. А. Васильева находится в США, здесь мы невольно вступаем в область предположений. Однако для характеристики его как человека крайне важно, по меньшей мере, попытаться ответить, почему А. А. Васильев принял приглашение М. И. Ростовцева о работе в Мадисоне и почему он в конце концов остался в США. Возможностей судить об этом немного и все же несколько тонких, ехидно-иронических замечаний в тексте его «Истории Византийской империи» (например, о славянофильстве в СССР после второй мировой войны) позволяют утверждать, что

¹ Об обстоятельствах, приведших к отъезду А. А. Васильева, см.: Г. М. Бонгард-Левин, И. В. Тункина. М. И. Ростовцев и А. А. Васильев...

² См. подробно: И. В. Куклина. А. А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки. В кн.: Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995, с. 318.

³ Даже по письмам А. А. Васильева видно, что все проблемы с его трудоустройством в Ленинграде могли быть разрешены в случае его возвращения в Ленинград. См. указанную в предыдущем примечании статью, с. 317: «...в АИМК я не утвержден членом до моего возвращения».

вся идейная и политическая обстановка в СССР была А. А. Васильеву глубоко чужда. Легкость, с которой А. А. Васильев решил на переезд в Америку, во многом объясняется также и тем, что его не удерживали семейные узы. Судя по имеющимся документам, у него были брат и сестра, однако всю жизнь он оставался холостым.¹

Сопоставление некоторых фактов позволяет, как кажется, выявить и еще одну немаловажную причину решимости А. А. Васильева уехать. Выше уже говорилось о том, что на рубеже веков, около пяти лет в общей сложности, А. А. Васильев весьма плодотворно работал за границей, будучи стипендиатом и находясь в официальных командировках. Если учесть все особенности развития СССР в двадцатые-тридцатые годы, то нельзя не признать, что возможность работать в зарубежных научных центрах для А. А. Васильева делалась все более проблематичной — научные командировки за границу становились со временем не нормой, а исключением из правил, особенно для ученых старой формации. Материалы, приводимые И. В. Куклиной, показывают, что после переезда в Америку А. А. Васильев большую часть свободного времени проводил в разъездах, путешествуя когда с целью научной работы, когда просто как турист.

Изложенный материал позволяет прийти в чем-то неожиданному, но по логике событий совершенно закономерному выводу. Одной из субъективно важных для А. А. Васильева причин отъезда должно было быть желание сохранить за собой возможность свободно перемещаться по миру как с целями научными, так и с целями туристическими. Он не мог не понимать, что в условиях СССР двадцатых-тридцатых годов такого ему никто гарантировать не мог.

Иными словами, в 1925—1928 гг. перед А. А. Васильевым стоял выбор — или Советская Россия, политический режим в которой и условия жизни становились для него чуждыми,² или другая страна, но гораздо более понятная идейная и политическая ситуация и привычный стиль жизни.

¹ По собственному признанию А. А. Васильева, он в жизни много времени отдавал женщинам, временами даже слишком много (*И. В. Куклина*. А. А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки. С. 335). Анализ этой стороны его жизни лежит за пределами наших возможностей и интересов.

² Судя по всему, А. А. Васильев не любил касаться этих тем, однако же в письме Ф. И. Успенскому от 9 января 1926 г. из Америки можно прочесть следующее признание: «В последнее время в России я был очень угнетен именно состоянием любимого нами дела византиноведения. Но не было возможности работать» (см.: *И. В. Куклина*. А. А. Васильев: «труды и дни» ученого... с. 314, прим. 8).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Очерк разработки истории Византии

1) Краткий очерк разработки истории Византии на Западе

Начало разработки. Эпоха итальянского Возрождения главным образом увлекалась произведениями классической греческой и римской литературы. Византийской литературы в Италии в то время почти не знали и знакомиться с ней не стремились. Но постоянные поездки на восток за греческими рукописями и изучение греческого языка невольно заставляли мало-помалу отказываться от пренебрежительного отношения к средневековой греческой литературе. Первоначальное знакомство с писателями как классическими, так и византийскими сводилось к переводу греческого текста на латинский язык. Однако в XIV—XV веках интерес к византийской литературе проявляется лишь случайно и совершенно поглощается интересом к классическому миру.

Но уже в XVI веке и начале XVII отношение к византийской истории и литературе меняется, и целый ряд византийских авторов, правда довольно случайных и неодинаковых по значению, издается в Германии (напр., Иеронимом Вольфом), Нидерландах (Меурсием) и Италии (двумя греками — Алеманном и Алляцием).

Роль Франции. Время Дюканжа. Настоящей же основательницей научного византиноведения является Франция XVII века. Когда французская литература в блестящую эпоху Людовика XIV стала образцом для всей Европы, когда короли, министры, епископы и частные лица наперебой основывали библиотеки, собирали рукописи и осыпали знаками своего внимания и уважения ученых, тогда и занятия византийским временем нашли во Франции почетное место.

В начале XVII в. Людовик XIII перевел на французский язык наставления диакона Агапита императору Юстиниану. Кардинал Мазарини, будучи любителем книг и неутомимым собирателем рукописей, создал богатую библиотеку с многочисленными греческими рукописями, перешедшую после смерти кардинала в парижскую королевскую библиотеку (теперь Национальная библиотека), настоящим основателем которой был в XVI веке король Франциск I.

Знаменитый министр Людовика XIV, Кольбер, который заведовал также и королевской библиотекой, употреблял все усилия на умножение ученых сокровищ библиотеки и на приобретение рукописей за границей. Богатое частное книгохранилище Кольбера, где было собрано им немало греческих рукописей, было куплено королем в XVIII веке для королевской библиотеки. Кардинал Ришелье основал королевскую типографию в Париже (Луврская типография), которая должна была достойным образом издавать выдающихся писателей. Королевские греческие шрифты для печатания отличались красотой. Наконец, в 1648 году, под покровительством Людовика XIV и Кольбера, из королевской типографии вышел первый том первого собрания византийских историков; на протяжении времени до 1711 года вышли 34 тома in folio этого удивительного для своего времени и до сих пор еще не вполне замененного издания. В год появления первого тома парижского собрания французский ученый издатель Лаббе (Labbe, Labbaeus) напечатал воззвание (Protrepticon) к любителям византийской истории, в котором он говорил об особенном интересе этой истории восточной греческой империи, «столь удивительной по количеству событий, столь привлекательной по разнообразию, столь замечательной по прочности монархии»; он с жаром убеждал европейских ученых отыскивать и издавать документы, погребенные в пыли библиотек, обещая всем сотрудникам этого великого дела вечную славу, «более прочную, чем мрамор и медь».¹

Во главе ученых сил Франции XVII века стоял знаменитый ученый Дюканж (1610—1688), разнообразные и многочисленные труды которого сохранили свою силу и значение до наших дней. Историк и филолог, археолог и нумизмат, Дюканж во всех этих научных областях выказал себя необыкновенным знатоком и неутомимым работником, прекрасным издателем и тонким исследователем. Он родился в Амьене в 1610 году и был послан отцом в колледж иезуитов. После нескольких лет в Орлеане и Париже в качестве юриста он вернулся в родной город, женился и был отцом десяти детей. В 1668 году, вынуждаемый эпидемией чумы покинуть Амьен, он обосновался в Париже, где и жил до своей смерти 23 октября 1688 г. Достоинно удивления, что в возрасте сорока пяти лет он еще ничего не опубликовал и его имя было мало известно за пределами Амьена. Все гигантское научное наследие было создано им в последние тридцать три года его жизни. Перечень его трудов выглядел бы невероятным, если бы оригиналы, все написанные его собственной рукой, не сохранились бы до наших дней. Его биограф пишет: «Один ученый XVIII века воскликнул

¹ Ph. Labbe. De byzantinae historiae scriptoribus ad omnes per omnes eruditos protreptikon. Paris, 1648, pp. 5—6.

в парадоксальном взрыве энтузиазма: „Как можно столько прочесть, столько обдумать, столько написать и пятьдесят лет быть женатым и отцом многочисленного семейства?“¹

Из трудов Дюканжа, касающихся византийской истории, необходимо отметить следующие: «История Константинопольской империи при французских императорах» («Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs français»; в конце своей жизни он переработал это сочинение, увидевшее свет во втором издании лишь в XIX веке); «О византийских фамилиях» («De familiis byzantinis»), где собран богатейший генеалогический материал, и «Христианский Константинополь» («Constantinopolis Christiana»), где сведены точные и подробные сведения о топографии Константинополя до 1453 года. Оба эти сочинения носят одно общее название «Historia Byzantina duplici commentario illustrata». Затем, имея от роду уже более семидесяти лет, Дюканж издал в двух томах in folio «Словарь средневекового греческого языка» («Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis»), труд, по словам русского византиста В. Г. Васильевского, «беспримечательный, над которым, казалось, должно было бы работать целое многочисленное общество ученых».² Глоссарий Дюканжа до сих пор остается необходимым пособием для всех занимающихся не только византийской, но и вообще средневековой историей. Дюканжу также принадлежат образцовые издания с глубоко научными комментариями целого ряда важных византийских историков. Немалое значение для византийского времени имеет гигантский труд Дюканжа «Словарь средневековой латыни» в трех томах in folio («Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis»). После длительной жизни с идеальным здоровьем Дюканж неожиданно заболел в июне 1688 г. и умер в октябре в возрасте 78 лет, окруженный семьей и друзьями. Он был похоронен в церкви Сен-Жерве (Saint-Gervais). От могилы его не осталось и следа. Одна узкая и отдаленная улица в Париже до сих пор называется «улица Дюканжа».³

¹ L. Feugere. Étude sur la vie et les ouvrages de Ducange. Paris, 1852, p. 9.

² В. Г. Васильевский. Обзор работ по византийской истории. СПб., 1890, с. 139. См. также письма издателя Жана Амиссиона (Jean Amission) к Дюканжу: H. Omont. Le Glossaire du Du Cange. Lettres l'Amission a Du Cange relatifs a l'impression du Glossaire (1682—1688). — Revue des études grecques, V, 1892, pp. 212—249.

³ См.: Feugere. Op. cit., p. 67—71. Весьма интересное письмо с описанием его болезни и смерти написано современным ему исследователем Этьеном Балюзом (Étienne Baluze). Оно опубликовано в боннском издании Chronicon Paschale (II, 67—71). Удовлетворительной биографии Дюканжа не существует.

Другие французские исследователи. Но великий Дюканж работал не один. Мабильон издал в его время свой бессмертный труд «Дипломатику», создавший совершенно новую науку о документах и актах. В самом начале XVIII века Монфокон издал свое капитальное, не потерявшее значения до сих пор, произведение «Греческую палеографию». К первой же половине XVIII века относится большое сочинение поселившегося в Париже бенедиктинца Бандури «Восточная империя» («*Imperium Orientale*»), где собрано громадное количество историко-географического, историко-топографического и археологического материала византийского времени, и капитальный труд доминиканца Лекьена (*Le Quien*) «Христианский Восток» («*Oriens christianus*»), где собраны богатейшие сведения по истории, особенно церковной, христианского Востока.¹

Таким образом, до половины XVIII века Франция стояла, безусловно, во главе византиноведения, и многие труды ее ученых сохранили значение до наших дней.

XVIII век и время Наполеона. Однако в том же веке обстоятельства изменились. Франция, вступив в просветительскую эпоху XVIII века, с ее отрицанием прошлого, со скептицизмом в области религии и с критикой монархической власти, не могла уже более интересоваться Византией. Вся средневековая история рисовалась тогда как «готическая», «варварская» эпоха, как источник мрака и невежества. Никогда серьезно не занимаясь византийской историей, но видя лишь ее внешнюю, временами чисто анекдотическую сторону, лучшие умы XVIII века давали суровые отзывы о средневековой греческой империи. Вольтер, осуждая вообще римскую историю императорского периода, прибавляет: «Существует другая история, еще более смешная (*ridicule*), чем история римская со времени Тацита: это — история византийская. Этот недостойный сборник (*recueil*) содержит лишь декламацию и чудеса; он является позором человеческого ума».² Монтескье, серьезный историк, о котором речь будет ниже, писал, что, начиная с начала VII века, «история греческой империи... есть не что иное, как непрерывная цепь возмущений, мятежей и предательств».³ Под влиянием идей XVIII века писал и знаменитый английский историк Гиббон, о

¹ См.: *J. U. Berghamp*. Dom Jean Mabillon and the Benedictine Historical School of Saint-Maur. Washington (D. C.), 1928, с. 116—119 (богатая библиография); *S. Salaville*. Le second centenaire de Michel Le Quien (1733—1933). — *Echos d'Orient*, XXXII, 1933, pp. 257—266; *J. W. Thompson*. The Age of Mabillon and Montfaucon. — *American Historical Review*, XLVII, 1942, pp. 225—244.

² *F.-M. Voltaire*. Le pyrrhonisme de l'histoire, par un bachelier en theologie, chap. XV. Édition Beuchot, 1768, t. XLIV, p. 429.

³ *Ш. Монтескье*. Размышления о причинах величия и падения римлян. В кн.: *Ш. Монтескье*. Избранные произведения. М., 1955, с. 142.

котором также будет сказано ниже. Во всяком случае, отрицательный и пренебрежительный тон в отношении к истории Византии, выработавшийся во второй половине XVIII века, пережил время революции и сохранился в начале XIX века. Известный немецкий философ Гегель (1770—1831) писал, например, в своих «Лекциях по философии истории»: «Таким образом, Византийская империя страдала от внутренних раздоров, вызываемых всевозможными страстями, а извне вторгались варвары, которым императоры могли оказывать лишь слабое сопротивление. Государству всегда угрожала опасность, и в общем оно представляет отвратительную картину слабости, причем жалкие и даже нелепые страсти не допускали появления великих мыслей, дел и личностей. Восстания полководцев, свержение императоров полководцами или интригами придворных, умерщвление императоров их собственными супругами или сыновьями путем отравления или иными способами, бесстыдство женщин, предававшихся всевозможным порокам, — таковы те сцены, которые изображает нам здесь история, пока наконец дряхлое здание Восточной римской империи не было разрушено энергичными турками в середине XV века (1453)».¹

На Византию, как на пример, которому не подобало следовать, ссылались государственные люди. Так, Наполеон I, в эпоху ста дней, в июне 1815 года отвечал палатам такими словами: «Помогите мне спасти отечество... Не будем подражать примеру Византийской империи (n'imitons pas l'exemple du Bas-Empire), которая, будучи теснима со всех сторон варварами, сделалась посмешищем потомства, занимаясь тонкими спорами в то время, когда таран разбивал городские ворота».²

К половине XIX века отношение к средневековью в научных сферах меняется. После бурь революционного времени и наполеоновских войн Европа иначе взглянула на средневековье. Появился серьезный интерес к изучению этой «готической, варварской» истории; пробудился интерес и к изучению средневековой византийской истории.

Монтескье. Еще в первой половине XVIII века знаменитый представитель французской просветительной литературы Монтескье (1689—1755) написал «Рассуждения о причинах величия и падения римлян» (*Considerations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur decadence*); вышел в 1734 году). В первой части этой книги дан краткий, интересно задуманный и талантливо испол-

¹ Г. В. Ф. Гегель. Лекции по философии истории. Перевод Л. М. Водена. СПб., 1993, с. 357, 2-е изд.

² «Moniteur», 13 juin 1815. См. также: *H. Houssaye*. 1815. Vol. I. La Première Restauration; le retour de l'île d'Elbe; les cent jours. Paris, 1905, pp. 622—623.

ненный, под влиянием, конечно, идей XVIII века, очерк развития римской истории, начиная с основания Рима, тогда как последние четыре главы труда посвящены византийскому времени. Изложение завершается взятием Константинополя турками в 1453 году. Уже из этого видно, что Монтескье придерживался совершенно правильного взгляда, что так называемая история Византии есть не что иное, как прямое продолжение римской истории. По его собственным словам, он со второй половины VI века лишь стал называть Римскую империю «империей Греческой». С чрезмерной суровостью относится Монтескье к истории этой империи. С одним из его суждений мы уже познакомились. В представлении знаменитого писателя история Византии была исполнена таких органических недостатков в социальном строе, религии, военном деле, что с трудом можно было себе представить, как столь испорченный государственный механизм мог просуществовать до половины XV века. Предложив последний вопрос самому себе (в последней, XXIII главе), Монтескье объясняет причины долговременного существования империи раздорами среди победоносных арабов, изобретением «греческого огня», цветущей торговлей Константинополя, окончательным обоснованием придунайских варваров, которые, усевшись на месте, служили защитой от других варваров. «Таким образом, — пишет автор, — в то время как империя одряхла при худом управлении, особые причины ее поддерживали». Империя при последних Палеологах, угрожаемая турками и ограниченная предместьями Константинополя, напоминает Монтескье Рейн, «который представляет собой лишь ручей, когда он теряется в океане».

Не занимаясь специально историей Византии и отдав дань господствующим течениям XVIII века, заведомо ей неблагоприятным, Монтескье тем не менее одарил нас в высшей степени содержательными страницами о времени средневековой Восточной империи, которые будят мысль и до сих пор читаются с большим интересом и пользой. Один из новейших исследователей Монтескье, французский ученый Сорель, называет его главы о Византии даже «гениальным очерком и образцовой характеристикой».¹

Гиббон. Тот же XVIII век дал науке английского историка Эдварда Гиббона (1737—1794), автора знаменитого сочинения «История упадка и разрушения Римской империи» (*The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*).

Гиббон родился 27 апреля 1737 года в Англии. Получив первоначальное воспитание в школе, он в 1752 году был отдан для продолжения образования в оксфордский колледж Магдалины. После кратковременного пребывания в Оксфорде Гиббон переехал

¹ A. Sorel. Montesquieu. Paris, 1889, p. 64.

в Швейцарию, в Лозанну, где поступил на воспитание к одному кальвинисту. В Лозанне он провел пять лет, и это пребывание оставило на всю жизнь неизгладимое впечатление в сердце молодого Гиббона, проводившего время за чтением классиков и важнейших исторических и философских сочинений и усвоившего в совершенстве французский язык. Швейцария сделалась для него второй родиной. Гиббон писал: «Я перестал быть англичанином. В гибкий период юности, от шестнадцати до двадцати одного года, мои мнения, привычки и чувствования приняли иностранную окраску; слабое и отдаленное воспоминание об Англии почти изгладилось; мой родной язык стал менее близким; и я с радостью принял бы предложение небольшого независимого состояния на условии вечного изгнания». В Лозанне Гиббону удалось увидеть «самого необыкновенного человека того времени, поэта, историка и философа» — Вольтера.¹

По возвращении в Лондон, Гиббон в 1761 году издал свой первый труд, написанный на французском языке — «Опыт изучения литературы» (*Essai sur l'étude de la littérature*), — который был встречен весьма сочувственно во Франции и Голландии и весьма холодно в Англии. Прослужив в течение двух с половиной лет в военной милиции, собранной ввиду тогдашней войны между Францией и Англией, т. е. Семилетней войны, Гиббон в 1763 году через Париж возвратился в любимую Лозанну, а в следующем году совершил свое итальянское путешествие, во время которого посетил Флоренцию, Рим, Неаполь, Венецию и другие города.

Для последующей ученой деятельности Гиббона пребывание его в Риме имело первостепенное значение: оно навело его на мысль написать историю «вечного» города. «15 октября 1764 года, — писал Гиббон, — я сидел, погруженный в грезы, среди развалин Капитолия, в то время как босоногие монахи пели свои вечерни в храме Юпитера; в ту минуту впервые блеснула у меня в уме мысль написать историю упадка и разрушения Рима».² Первоначальный план Гиббона был написать историю упадка города Рима, а не Римской империи; только несколько позднее план его расширился, и в результате Гиббон написал историю Римской империи, западной и восточной, доведя историю последней до падения Константинополя в 1453 году.

По возвращении в Лондон, Гиббон начал деятельно собирать материал для задуманного труда. В 1776 году появился первый том его труда, начинавший изложение со времени Августа. Успех его был необычаен; первое издание разошлось в несколько дней.

¹ The Autobiographies of Edward Gibbon. Ed. Murray J. London, 1896, pp. 148, 152.

² Ibid., p. 302.

По словам Гиббона, «его книга была на каждом столе и почти на каждом туалете».¹ Следующие тома его истории, содержащие главы о христианстве, в которых выяснялись личные религиозные воззрения автора в духе XVIII века, подняли целую бурю, особенно среди итальянских католиков.

У Гиббона была одна заветная мечта, а именно: он хотел, чтобы Лозанна, бывшая школой его юности, сделалась его жизненным убежищем на склоне лет. Наконец, спустя почти двадцать лет после своего второго отъезда из Лозанны, Гиббон, имея достаточные средства для независимого существования, переехал в Лозанну, где и окончил свою историю. Автор в таких словах описывает момент окончания своего многолетнего труда: «В день, или скорее в ночь, 27 июня 1787 года, между одиннадцатью и двенадцатью часами, на даче в моем саду я написал последние строки последней страницы. Положив перо, я несколько раз прошелся по аллее акаций, с которой открывается вид на деревню, озеро и горы. Воздух был спокоен; небо ясно; серебряный круг луны отражался в воде, и вся природа молчала. Я не буду скрывать первого чувства радости при возвращении моей свободы и, может быть, при установлении моей славы. Но гордость моя вскоре смирилась, и серьезная печаль овладела моим умом при мысли о том, что я навсегда простился со старым и приятным товарищем, и что какова бы ни была грядущая судьба моей истории, жизнь историка должна быть короткой и непрочной».²

Разыгравшаяся французская революция заставила Гиббона возвратиться в Англию, где он и умер в Лондоне в январе 1794 года.

Гиббон принадлежит к тем немногим писателям, которые занимают выдающееся место как в литературе, так и в истории. Гиббон — превосходный стилист. Один современный византинист сравнивает его с Фукидидом и Тацитом.

Гиббон оставил одну из лучших существующих автобиографий, о которой ее новейший английский издатель (Birkbeck Hill) говорит: «Она настолько коротка, что может быть прочитана при свете одной пары свечей; она настолько интересна по своему содержанию и настолько привлекательна по оборотам мысли и стилю, что при втором и третьем чтении она доставляет едва ли меньшее удовольствие, чем при первом».

Отражая на себе веяния эпохи, Гиббон является в своей истории носителем определенной идеи, выраженной им такими словами: «Я описал торжество варварства и религии». Другими словами, историческое развитие человеческих обществ со II века н. э. было, по его мнению, обратным движением (регрессом), в чем главная

¹ The Autobiographies of Edward Gibbon. London, 1896, p. 311.

² Ibid., p. 333—334.

вина должна падать на христианство. Конечно, главы Гиббона о христианстве имеют в настоящее время лишь исторический интерес.

Не надо забывать, что со времени английского историка исторический материал чрезвычайно разросся, задачи истории изменились, появилась критика источников и новейшие издания последних, выяснилась зависимость источников друг от друга, получили права гражданства в истории вспомогательные дисциплины: нумизматика, эпиграфика, сигиллография (наука о печатях), папирология и т. д. Все это приходится иметь в виду при чтении истории Гиббона. Не надо также забывать, что Гиббон, недостаточно владевший греческим языком, имел до 518 года, т. е. до года смерти императора Анастасия I, превосходного предшественника и руководителя, которому он очень многим обязан, а именно — французского ученого Тиллемона (Tillemont). Последний был автором известного в свое время труда «История императоров» (*Histoire des Empereurs*, 6 томов, Брюссель, 1692 сл.), доведенного до 518 года. В этой части своей истории Гиббон писал подробнее и внимательнее.

Что касается последующей истории, т. е. восточно-римской, или византийской, империи, которая наиболее нас в настоящем случае интересует, то в этой части Гиббон, встречавший уже гораздо большие препятствия в ознакомлении с источниками и находившийся под сильным влиянием идей XVIII века, не мог удачно справиться со своей задачей. Английский историк Фриман пишет: «При всей удивительной способности Гиббона к группировке и к сгущению красок (*condensation*), которая нигде столь сильно не проявилась, как в его византийских главах, с его живым описанием и при его еще более действующем искусстве внушения, — стиль его письма не может, конечно, возбуждать уважения к лицам и периодам, о которых он говорит, или привлекать многих к более подробному их изучению. Его бесподобная способность к сарказму и унижению никогда не покидает его труда; он слишком любит анекдоты, показывающие слабую или смешную сторону известного века или лица; он неспособен к восторженному восхищению чем-нибудь или кем-нибудь. Почти всякая история, рассказанная таким образом, должна оставить в воображении читателя прежде всего ее низкую (презренную) сторону... Может быть, ни одна история не могла пройти неповрежденной через такое испытание; византийская история, из всех других, была наименее способна выдерживать такой род отношения».¹

В силу этого византийская история, изложенная Гиббоном со свойственными ему особенностями, представлена им в ложном освещении. Личная история и семейные дела всех императоров, от

¹ E. A. Freeman. *Historical Essays*. London, 1879, vol. III, ser. 3, pp. 234—235.

сына Ираклия до Исаака Ангела, собраны в одной главе. «Такой способ трактовать предмет вполне согласуется с презрительным отношением автора к „Византийской“ или „Низкой“ (Lower) империи», — замечает современный английский византист Бьюри (Bury).¹ Взгляд Гиббона на внутреннюю историю империи после Ираклия отличается не только поверхностностью; он дает совершенно ложное представление о фактах. Однако не надо упускать из виду, что во времена Гиббона целые эпохи оставались еще не обработанными и неразъясненными, как например, эпоха иконоборчества, социальная история X и XI веков и т. д. Во всяком случае, несмотря на крупные недостатки и пробелы и особенно имея их в виду, книгу Гиббона можно читать с пользой и большим интересом и в настоящее время.

Первое издание «Истории упадка и разрушения Римской империи» Гиббона вышло в шести томах в Лондоне в 1776—1788 годах и с тех пор выдержало целый ряд изданий. В конце XIX века английский византист Бьюри (Bury) вновь издал историю Гиббона, снабдив ее драгоценными примечаниями, целым рядом интересных и свежих приложений по разнообразным вопросам и превосходным указателем (Лондон, 1896—1900, 7 томов); целью Бьюри было показать в своих дополнениях то, чего историческая наука достигла в наше время сравнительно со временем Гиббона. Труд последнего переведен почти на все европейские языки. Особенную цену имел, до появления издания Бьюри, благодаря критическим и историческим примечаниям французский перевод известного французского историка и политического деятеля Гизо (Guizot), появившийся в 13 томах в Париже в 1828 году. На русском языке «История упадка и разрушения Римской империи», переведенная Неведомским, вышла в свет в семи частях в Москве в 1883—1886 годах.²

Лебо. Отрицательное отношение к Византии лучших представителей французской мысли XVIII века не помешало французцу Шарлю Лебо (Le Beau) во второй половине этого же столетия подробно изложить в двадцати одном томе события византийской истории.³ Лебо, не владея хорошо греческим языком, пользовался по большей части латинскими переводами авторов, излагал источники без критического к ним отношения и дал заглавие своей компиляции «Histoire du Bas-Empire» (1757—1781), которое на

¹ E. Gibbon. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire, ed. J. B. Bury. London, 1897, vol. I, p. III.

² О восприятии современного читателя см., например: W. Chamberlain. On Rereading Gibbon. — The Atlantic Monthly, vol. CLXXIV (October, 1944), pp. 65—70.

³ Среди многочисленных биографий Лебо см. в особенности: Dupuy. Éloge de Lebeau. Опубликовано в: Ch. Lebeau. Histoire du Bas-Empire, ed. M. Saint-Martin, M. de Brosset. Paris, 1824, vol. I, pp. XIII—XXVII.

долгое время сделалось символом пренебрежительного отношения к византийской империи.¹ «История» Лебо, продолженная другим лицом и доведенная до 27 томов, теперь значения не имеет. В XIX веке появилось второе издание его истории, исправленное и дополненное на основании восточных источников двумя ориенталистами, арменоведом Сен-Мартеном (J. A. Saint-Martin) и грузиноведом Броссэ (M. F. Brosset) Сен-Мартен писал: «Это не просто новое издание сочинения Лебо, это фундаментальный труд, значение которого не может быть не оценено теми, кто заинтересован в развитии исторических наук».² Последнее издание (21 том, Париж, 1824—1836) благодаря обильным дополнениям из восточных, преимущественно армянских, источников может иметь некоторое значение и в настоящее время.

Нугаре. В 1799 году французский автор П. Ж.-Б. Нугаре (P. J.-B. Nougaret) опубликовал пятитомный труд под очень длинным названием, сокращенный вариант которого звучит так: «Анекдоты о Константинополе, или Поздней империи от царствования Константина, его основателя, до взятия Константинополя Мохаммедом II и далее до наших дней... с наиболее яркими примерами превратностей судьбы и наиболее удивительными революциями». Это сочинение представляет собой исключительно компиляцию из разных авторов, в основном из «Истории Поздней империи» Лебо, и не имеет научного значения. Во введении Нугаре отразил политические взгляды своего времени. Он предвидел «катастрофу, которая, как кажется, готовится перед нашими глазами и которая может привести второй Рим под власть татар, которых ныне зовут русскими... сейчас часто говорят о Константинополе, с момента чудовищного союза турок и русских против Франции».³

В 1811 году Нугаре сократил пятитомный труд до одного тома, каковой опубликовал под заголовком «Прелести Поздней империи, содержащие наиболее любопытные и интересные рассказы от Константина Великого до взятия Константинополя Мохаммедом II». Он посвятил этот труд просвещению молодежи: «Эти гибельные и

¹ Во французском языке прилагательное *bas* имеет два значения — «низкий» (в разных значениях) и «поздний», если речь идет о времени. Лебо имел в виду последнее.

² *Ch. Lebeau. Histoire du Bas-Empire*, ed. M. Saint-Martin, M. de Brosset. Paris, 1824, vol. I, p. XI. В 1847 г. вышло сокращенное переложение сочинения Лебо в 5 томах: *Delarue. Abrege de l'histoire de Bas-Empire de Lebeau*. Первые 22 тома первого издания были переведены на немецкий Й. А. Хиллером (Leipzig, 1765—1783). См.: *E. Gerland. Das Studium der byzantinischen Geschichte vom Humanismus bis zur Jetztzeit*. Athen, 1934, S. 9. По сообщению Н. Йорги, сочинение Лебо было переведено на итальянский. См.: *Revue historique du sud-est europeen*. IX, 1932, p. 428, note 3.

³ Ссылка по второму изданию — Paris, 1814, vol. I, pp. XIV—XV.

сына Ираклия до Исаака Ангела, собраны в одной главе. «Такой способ трактовать предмет вполне согласуется с презрительным отношением автора к „Византийской“ или „Низкой“ (Lower) империи», — замечает современный английский византист Бьюри (Bury).¹ Взгляд Гиббона на внутреннюю историю империи после Ираклия отличается не только поверхностностью; он дает совершенно ложное представление о фактах. Однако не надо упускать из виду, что во времена Гиббона целые эпохи оставались еще не обработанными и неразъясненными, как например, эпоха иконоборчества, социальная история X и XI веков и т. д. Во всяком случае, несмотря на крупные недостатки и пробелы и особенно имея их в виду, книгу Гиббона можно читать с пользой и большим интересом и в настоящее время.

Первое издание «Истории упадка и разрушения Римской империи» Гиббона вышло в шести томах в Лондоне в 1776—1788 годах и с тех пор выдержало целый ряд изданий. В конце XIX века английский византист Бьюри (Bury) вновь издал историю Гиббона, снабдив ее драгоценными примечаниями, целым рядом интересных и свежих приложений по разнообразным вопросам и превосходным указателем (Лондон, 1896—1900, 7 томов); целью Бьюри было показать в своих дополнениях то, чего историческая наука достигла в наше время сравнительно со временем Гиббона. Труд последнего переведен почти на все европейские языки. Особенную цену имел, до появления издания Бьюри, благодаря критическим и историческим примечаниям французский перевод известного французского историка и политического деятеля Гизо (Guizot), появившийся в 13 томах в Париже в 1828 году. На русском языке «История упадка и разрушения Римской империи», переведенная Неведомским, вышла в свет в семи частях в Москве в 1883—1886 годах.²

Лебо. Отрицательное отношение к Византии лучших представителей французской мысли XVIII века не помешало французцу Шарлю Лебо (Le Beau) во второй половине этого же столетия подробно изложить в двадцати одном томе события византийской истории.³ Лебо, не владея хорошо греческим языком, пользовался по большей части латинскими переводами авторов, излагал источники без критического к ним отношения и дал заглавие своей компиляции «Histoire du Bas-Empire» (1757—1781), которое на

¹ E. Gibbon. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire, ed. J. B. Bury. London, 1897, vol. I, p. III.

² О восприятии современного читателя см., например: W. Chamberlain. On Rereading Gibbon. — The Atlantic Monthly, vol. CLXXIV (October, 1944), pp. 65—70.

³ Среди многочисленных биографий Лебо см. в особенности: Dupuy. Éloge de Lebeau. Опубликовано в: Ch. Lebeau. Histoire du Bas-Empire, ed. M. Saint-Martin, M. de Brosset. Paris, 1824, vol. I, pp. XIII—XXVII.

долгое время сделалось символом пренебрежительного отношения к византийской империи.¹ «История» Лебо, продолженная другим лицом и доведенная до 27 томов, теперь значения не имеет. В XIX веке появилось второе издание его истории, исправленное и дополненное на основании восточных источников двумя ориенталистами, арменоведом Сен-Мартеном (J. A. Saint-Martin) и грузиноведом Броссэ (M. F. Brosset) Сен-Мартен писал: «Это не просто новое издание сочинения Лебо, это фундаментальный труд, значение которого не может быть не оценено теми, кто заинтересован в развитии исторических наук».² Последнее издание (21 том, Париж, 1824—1836) благодаря обильным дополнениям из восточных, преимущественно армянских, источников может иметь некоторое значение и в настоящее время.

Нугаре. В 1799 году французский автор П. Ж.-Б. Нугаре (P. J.-B. Nougaret) опубликовал пятитомный труд под очень длинным названием, сокращенный вариант которого звучит так: «Анекдоты о Константинополе, или Поздней империи от царствования Константина, его основателя, до взятия Константинополя Мохаммедом II и далее до наших дней... с наиболее яркими примерами превратностей судьбы и наиболее удивительными революциями». Это сочинение представляет собой исключительно компиляцию из разных авторов, в основном из «Истории Поздней империи» Лебо, и не имеет научного значения. Во введении Нугаре отразил политические взгляды своего времени. Он предвидел «катастрофу, которая, как кажется, готовится перед нашими глазами и которая может привести второй Рим под власть татар, которых ныне зовут русскими... сейчас часто говорят о Константинополе, с момента чудовищного союза турок и русских против Франции».³

В 1811 году Нугаре сократил пятитомный труд до одного тома, какой-то опубликовал под заголовком «Прелести Поздней империи, содержащие наиболее любопытные и интересные рассказы от Константина Великого до взятия Константинополя Мохаммедом II». Он посвятил этот труд просвещению молодежи: «Эти гибельные и

¹ Во французском языке прилагательное *bas* имеет два значения — «низкий» (в разных значениях) и «поздний», если речь идет о времени. Лебо имел в виду последнее.

² *Ch. Lebeau. Histoire du Bas-Empire*, ed. M. Saint-Martin, M. de Brosset. Paris, 1824, vol. I, p. XI. В 1847 г. вышло сокращенное переложение сочинения Лебо в 5 томах: *Delarue. Abrege de l'histoire de Bas-Empire de Lebeau*. Первые 22 тома первого издания были переведены на немецкий Й. А. Хиллером (Leipzig, 1765—1783). См.: *E. Gerland. Das Studium der byzantinischen Geschichte vom Humanismus bis zur Jetztzeit*. Athen, 1934, S. 9. По сообщению Н. Йорги, сочинение Лебо было переведено на итальянский. См.: *Revue historique du sud-est europeen*. IX, 1932, p. 428, note 3.

³ Ссылка по второму изданию — Paris, 1814, vol. I, pp. XIV—XV.

кровавые сцены, — писал автор, — эти события, столь достойные памяти, пробудят в наших молодых читателях самые полезные мысли, они дадут им почувствовать, сколь ценна добродетель, принимая во внимание, что порок и преступление были часто причиной гибели народов. Они будут благословлять небеса за возможность жить в эпоху, когда революции известны только в истории, и они смогут оценить счастье нации, которая управляется великодушным повелителем и благодетелем своих подданных». ^{1*}

Руайу. В Наполеоновскую эпоху появилась на французском языке компиляция в девяти томах Руайу (J.-C. Royou), журналиста, адвоката во время Директории и театрального цензора в эпоху Реставрации, носящая одинаковое заглавие с сочинением Лебо, «История Поздней империи от Константина до взятия Константинополя в 1453 году» (*Histoire du Bas-Empire depuis Constantin jusqu'a la prise de Constantinople en 1453. Paris. An XII [1803]*). Автор, заявив в предисловии, что большинство написанных по-французски историй требуют переделки и переработки, особенно для «Bas-Empire», обращается к Лебо, который, «несмотря на некоторые достоинства, едва лишь удобочитаем». По мнению Руайу, Лебо забыл, что «история должна быть не рассказом о всем том, что произошло в мире, но о всем том, что в нем произошло интересного; то, что не представляет ни поучения (*instruction*), ни удовольствия, должно быть без колебания принесено в жертву...». Автор полагает, что «наблюдая причины падения государств, можно узнать средства предотвратить его или, по крайней мере, замедлить... Наконец, в Константинополе с удовольствием можно следить за тенью, некоторым образом, Римской империи: это зрелище притягивает до последнего момента». ² Несамостоятельный, часто анекдотический текст истории Руайу не сопровождается никакими ссылками. Уже по взглядам автора, приведенным выше, видно, что сочинение Руайу не имеет значения.

Вскоре после сочинения Руайу появилась «История Поздней империи» удивительно плодovitого французского автора М. Леконт де Сегюра (M. Le Comte de Segur). Его сочинение, охватывающее весь период византийской истории, научного значения не имеет, однако оно было очень популярно среди французских читателей и издавалось неоднократно. ³

¹ Ibid., p. 6.

* Эти далекие от сути излагаемого материала цитаты из второстепенного французского исследователя появились в английской версии работы, видимо, во многом под влиянием ассоциаций А. А. Васильева с бесспорно памятными ему событиями 1917 г. в России.

² J.-C. Royou. *Histoire du Bas-Empire*. Paris, 1844, preface.

³ Там же, во введении к сочинению Руайу. Об изданиях сочинения де Сегюра см. библиографию у Руайу. Я использовал седьмое издание.

От середины девятнадцатого века до настоящего времени

До середины девятнадцатого столетия серьезных общих работ по истории Византийской империи не появлялось.

Финлей. Большой шаг вперед сделала византийская история в трудах английского историка Георга Финлея (George Finlay), автора «Истории Греции с эпохи покорения ее римлянами до настоящего времени — с 146 года до н. э. по 1864 год» (A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time B. C. 146 to A. D. 1864). Финлей, подобно Гиббону, оставил автобиографию, из которой можно познакомиться с главными фактами интересной жизни автора, повлиявшей на создание его труда.

Финлей родился в Англии в декабре 1799 года, где и получил свое первоначальное воспитание. Несколькое позднее, для усовершенствования в римском праве, он направился в германский город Геттинген, имея в виду сделаться адвокатом. На прощанье дядя молодого Финлея сказал ему следующее: «Хорошо, Георг! Я надеюсь, что ты будешь усердно заниматься римским правом; но я полагаю, что ты посетишь греков раньше, чем я тебя снова увижу».¹ Слова дяди оказались пророческими.

Вспыхнувшая в то время греческая революция привлекла к себе внимание Европы. Вместо того чтобы усердно заниматься римским правом, Финлей читал сочинения по истории Греции, знакомился с греческим языком и в 1823 году решил посетить Грецию с целью личного ознакомления с условиями жизни заинтересовавшего его народа, а также с целью на месте выяснить вопрос о возможности успеха восстания. Во время пребывания в Греции в 1823—1824 годах Финлей неоднократно встречался с лордом Байроном, приехавшим, как известно, в Грецию на защиту ее национального дела и нашедшим там безвременную кончину. В 1827 году, после пребывания в Англии, Финлей возвратился в Грецию и принимал участие в экспедиции генерала Гордона для освобождения Афин от осады. Наконец, прибытие графа Каподистрии в качестве Президента Греции и покровительство трех великих держав обещали, по словам Финлея, грекам время мирного прогресса. Убеденный филэллин, свято веривший в великую будущность нового государства, Финлей в порыве увлечения решил навсегда поселиться на земле древней Эллады и приобрел для этого в Греции земельную собственность, на покупку и обработку которой потратил все свои деньги. В это самое время он и задумал написать историю греческой революции. Умер Финлей в Афинах в январе

¹ Автобиографию Финлея см. в следующем издании: A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time, ed. H. F. Tozer. Oxford, 1877, vol. I, pp. XXXIX—XLVI.

1876 года. План Финлея написать историю греческой революции заставил его заняться прошлыми судьбами Греции. Постепенно из-под пера Финлея появился целый ряд отдельных трудов по истории Греции. В 1844 году вышла его книга «Греция под римским владычеством» (Greece under the Romans), охватывавшая события со 146 года до н. э. до 717 года н. э. В 1854 году появилось двухтомное сочинение Финлея «История Византийской и Греческой империй с 716 по 1453 год» (A History of the Byzantine and Greek Empires from 716 to 1453). За этим следовали два сочинения по новой и новейшей истории Греции. Позднее автор просмотрел все свои труды и подготовил их к новому изданию. Но Финлей умер, не успев довести начатого дела до конца. После его смерти общая «История Греции с эпохи покорения ее римлянами до настоящего времени — с 146 года до н. э. по 1864 год» (A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time. В. С. 146, А. D. 1864) была издана в 1877 году в семи томах Тозером (Tozer), который в первом томе напечатал и автобиографию Финлея. Последним изданием теперь и надлежит пользоваться. В русском переводе существует лишь одно сочинение Финлея — «Греция под римским владычеством» (Москва, 1876).

С точки зрения Финлея, история Греции под иностранным владычеством повествует об упадке и бедствиях той нации, которая в древнем мире достигла высшей степени цивилизации. Две тысячи лет страданий не стерли национального характера, не потушили национального самолюбия. История народа, который в течение веков сохранил свой язык и свою национальность, и энергия, которая ожила с такой силой, что образовала независимое государство, не должны находиться в полном пренебрежении. Условия Греции в долгие времена ее рабства не были условиями однообразного вырождения. Под владычеством римлян и впоследствии османов греки представляли собой лишь незначительную часть обширной империи. Благодаря своему невоинственному характеру они не играли важной политической роли, и многие из крупных перемен и революций, имевших место во владениях императоров и султанов, не оказывали прямого влияния на Грецию. Следовательно, ни общая история Римской империи, ни общая история Оттоманской империи не являются частью греческой истории. Иначе дело обстоит при византийских императорах; греки были отождествлены тогда с императорской администрацией. Различие в политическом положении нации в течение этих периодов требует от историка различных приемов для выяснения характерных черт тех времен.¹

¹ A History of Greece... vol. I, pp. XV—XVII.

Финлей делит историю греков, как подчиненного народа, на шесть периодов. 1) Первый период обнимает историю Греции под римским владычеством; этот период преобладающего влияния римских начал кончается только в первой половине VIII века со вступлением на престол Льва III Исавра, давшего константинопольской администрации новый характер. 2) Второй период охватывает историю Восточной Римской империи в ее новой форме, под условным названием Византийской империи. История этого деспотизма, смягченного, обновленного и снова оживленного императорами-иконоборцами, представляет один из самых замечательных и поучительных уроков в истории монархических учреждений. В продолжение этого периода история греков тесно переплетается с анналами императорского правительства, так что история Византийской империи образует часть истории греческого народа. Византийская история тянется от вступления на престол Льва Исавра в 716 году до покорения Константинополя крестоносцами в 1204 году. 3) После разрушения Восточной Римской империи греческая история расходится по многим путям. Изгнанные константинопольские греки (у Финлея Roman-Greeks) бежали в Азию, утвердили свою столицу в Никее, продолжали императорскую администрацию в некоторых провинциях по старому образцу и со старыми именами и меньше чем через шестьдесят лет снова овладели Константинополем; но, хотя их правительство удержало гордое название Римской империи, оно было лишь выродившимся представителем даже Византийского государства. Этот третий период можно назвать Константинопольской греческой империей, слабое существование которой было прикончено османскими турками при взятии Константинополя в 1453 году. 4) Крестоносцы, покорив большую часть Византийской империи, разделили свои завоевания с венецианцами и основали Латинскую империю Романии с ее феодальными княжествами в Греции. Владычество латинян очень важно тем, что указывает на упадок греческого влияния на Востоке и является причиной быстрого уменьшения благосостояния и численности греческой нации. Этот период тянется от взятия Константинополя крестоносцами в 1204 году до покорения острова Наксоса турками в 1566 году. 5) Покорение Константинополя в 1204 году повлекло за собой основание нового греческого государства в восточных провинциях Византийской империи, известного под названием Трапезундской империи. Ее существование является любопытным эпизодом в греческой истории, хотя правительство отличалось особенностями, указывающими скорее на влияние азиатских, чем европейских обычаев. Она очень походила на Грузинские и Армянские монархии. В течение двух с половиной столетий Трапезундская империя имела значительную степень влияния, основанного скорее на ее торговом значении, чем на политической

силе или греческой цивилизации. Ее существование оказывало мало влияния на судьбы Греции, и ее падение в 1461 году возбудило мало сочувствия. 6) Шестой и последний период истории Греции под чужеземным владычеством тянется от 1453 до 1821 года и обнимает время османского управления и временного занятия Пелопоннеса Венецианской республикой с 1685 по 1715 год.¹

Финлей, как было уже замечено выше, делает в изучении истории Византии большой шаг вперед. Если его деление греческой истории на периоды, как почти всякое подобное схематическое деление, подлежит оспариванию, то несомненная заслуга автора остается в том, что он первый обратил внимание на внутреннюю историю византийского государства, на отношения юридического, социально-экономические и т. д. Конечно, это не был ряд глубоких, самостоятельных исследований, которых мы по многим вопросам не имеем и до настоящего времени; большая часть страниц, посвященных у Финлея внутренней истории, основывалась иногда на общих рассуждениях и на позднейших аналогиях. Но крупная заслуга его заключается уже в том, что он наметил и поднял многие интересные вопросы внутренней истории. Сочинение Финлея и теперь читается с большой пользой и интересом, несмотря на то, что он занялся византийской историей просто потому, что не мог без нее рассказать греческую историю.

Английский историк Фриман так оценивал работу Финлея в 1855 году. «По глубине и оригинальности исследования, — говорил он, — по умению охватить свой предмет и особенно по смелому и самостоятельному духу изыскания, Финлей может занять место среди первоклассных историков нашего времени. Если принять во внимание все обстоятельства, обширность идеи сочинения и трудности ее выполнения, то книга Финлея есть величайшее историческое произведение, какое английская литература дала со времен Гиббона. Он провел жизнь в стране и среди народа, о которых писал. Может быть, ни одно историческое произведение не было столь непосредственно связано своим происхождением практическим явлениям (*to the practical phaenomena*) современного мира. Живя в Греции, будучи человеком смелого наблюдательного ума, скорее юрист и политико-эконом, чем профессиональный ученый, он был вынужден глубоко задумываться над состоянием страны, в которой он жил, и открывать причины того, что он видел, в их начале за две тысячи лет тому назад. При чтении сочинений Финлея легко видеть, как много они выиграли и потеряли от тех своеобразных обстоятельств, в которых были написаны. Ни одно сочинение, написанное обыкновенным ученым или обыкновенным политиком, никогда не могло приблизиться к врожденной силе и оригинальности произведения

¹ A History of Greece... vol. I, pp. XVII—XIX.

уединенного мыслителя, изучающего, размышляющего и повествующего о событиях двух тысяч лет для того, чтобы разрешить проблемы, которые он видел у своих собственных дверей».¹

В последних словах Фримана верно схвачена одна из отличительных особенностей Финлея, а именно — при помощи древних пережитков в настоящем пытаться объяснять аналогичные явления в прошлом.²

Папарригопуло. В половине XIX века обращает на себя внимание серьезный греческий ученый, профессор Афинского университета Папарригопуло, посвятивший всю жизнь изучению прошлых судеб своей родины. Уже в сороковых и пятидесятых годах он выступал с небольшими интересными историческими работами, как например, «О поселении некоторых славянских племен в Пелопоннесе» (Περὶ τῆς ἐποικίσεως Σλαβικῶν τινῶν φύλων εἰς τὴν Πελοποννησον. Афины, 1843). Но это были лишь подготовительные работы к его большому труду. Главной задачей его жизни было написать историю своего народа. Плодом его тридцатилетних трудов явилась пятитомная «История греческого народа с древнейших времен до новейших» (Ἱστορία τοῦ ἐλληνικοῦ ἐθνους ἀπὸ τῶν ἀρχαιοτάτων χρόνων μέχρι τῶν νεωτέρων. Афины, 1860—1877). Было много изданий этой работы, самое последнее из которых подготовлено Каролидисом и опубликовано в Афинах в 1925 г. Сочинение это излагает историю греческого народа до 1832 года. Главнейшие результаты своего довольно громоздкого, написанного по-новогречески и потому далеко не всем доступного труда, Папарригопуло изложил по-французски в одном томе, изданном под заглавием «История эллинской цивилизации» (Histoire de la civilisation hellénique. Париж, 1878). Незадолго до смерти автор предпринял нечто подобное и на греческом языке, но умер до окончания работы. После его смерти она была издана в Афинах под заглавием «Наиболее поучительные результаты истории греческого народа» (Афины, 1899) и представляет собой извлечение или обзор, а иногда

¹ E. A. Freeman. Historical Essays, vol. III, ser. 2, first ed. London, 1871, pp. 241—243.

² По поводу Финлея см.: W. Miller. The Finlay Library.— Annual of the British School at Athens, XXVI, 1923—1925, pp. 46—66; W. Miller. The Finlay's Papers, George Finlay as a Journalist and the Journal of Finlay and Jarvis. — English Historical Review, XXXIX, 1924, pp. 386—398, 552—567. Дата смерти Финлея (1876 вместо 1875) указана неверно в его автобиографии, опубликованной Тозером. См. English National Biography. (Эта фраза оставлена, несмотря на свою очевидную странность, так, как она зафиксирована в английской версии. Судя по всему, речь идет о том, что Тозер, издатель сочинения Финлея, дополнил автобиографию Финлея ошибочной, с точки зрения А. А. Васильева, информацией о дате смерти Финлея. — *Науч. ред.*)

и исправление того, что было рассказано подробнее в пятитомной истории. Византийского времени касаются второй, третий, четвертый и пятый том последнего сочинения.

Несмотря на большую тенденциозность, сочинение Папарригопуло заслуживает большого внимания. Автор, убежденный патриот, смотрит на историю с чисто национальной, греческой точки зрения; он во всех главнейших явлениях видит греческое начало и считает римское влияние случайным и наносным. Особенным вниманием и исключительной любовью автора пользуется эпоха императоров-иконоборцев. Не останавливаясь только на религиозной стороне вопроса, греческий ученый видит в этом движении попытку настоящей социальной реформы, выпедшей из тайников эллинского духа, и в своем увлечении утверждает, что «в результате эллинская реформа VIII века, если не касаться основных догматов веры, была с точки зрения социальных изменений гораздо более широкой и систематической, чем реформа, совершившаяся позднее в Западной Европе, и проповедовала принципы и доктрины, которые с удивлением встречают в VIII веке».¹ Но подобная реформа была слишком смела и радикальна для византийского общества, вследствие чего за иконоборческой эпохой последовала реакция; поэтому Македонская династия в истории Византии имела консервативное значение. Эллинизм сохранял свою силу в течение всего средневековья. Внутренних причин, например, для падения Константинополя в 1204 году не было; столица государства уступила только грубой физической силе крестоносцев. Если печальное событие 1204 года нанесло удар «византийскому эллинизму», то вскоре после этого первое место занимает «современный эллинизм», непосредственными потомками которого являются греки XIX века. Таким образом, по мнению Папарригопуло, эллинизм в той или иной форме жил бодрой жизнью в продолжении всей византийской истории. Конечно, на труде греческого ученого сильно отразилось увлечение греческого патриота. Тем не менее его большая «История греческого народа» и французская «История эллинской цивилизации», несмотря на указанную выше тенденциозность, являются очень полезными книгами. Главная заслуга Папарригопуло заключается в том, что он указал на большое значение и сложность иконоборческой эпохи. В одном отношении пользование его «Историей» неудобно: она лишена научного аппарата, и поэтому проверка рассказа и выводов Папарригопуло сопряжена с большими трудностями и неудобствами.

Гопф. К числу весьма серьезных и трудолюбивых ученых в области византиноведения в половине XIX века принадлежит немецкий профессор Карл Гопф (1832—1873). Гопф, вестфалец родом,

¹ С. *Paparrigopulo*. Histoire de la civilisation hellénique. Paris, 1878, p. 194.

был сыном учителя гимназии, занимавшегося Гомером. Уже с ранних лет он поражал своей необыкновенной памятью и способностью к иностранным языкам. По окончании образования в Боннском университете Гопф сделался там же доцентом и с увлечением отдался выполнению своей главной жизненной, ученой задачи, а именно: изучению истории Греции под франкским владычеством, т. е. после 1204 года. В 1853—1854 годах Гопф предпринял первое путешествие через Вену в находившуюся тогда еще в руках Австрии Верхнюю Италию, где усердно работал, особенно в частных фамильных архивах. Результатом этих работ был ряд монографий, посвященных истории отдельных франкских княжеств в Греции и островов Эгейского моря, а также изданию архивных документов по данным вопросам.

Став профессором в Грейсвальде и затем главным библиотекарем и профессором университета в Кенигсберге, Гопф продолжал заниматься Средними веками. Во время своего второго научного путешествия с 1861 по 1863 год он посетил Геную, Неаполь, Палермо, Мальту, Корфу, Занте, Сиру, Наксос и Грецию, где собрал громадный рукописный материал. По возвращении на родину Гопф принялся за его обработку; но здоровье его пошатнулось, и в августе 1873 года он умер в Висбадене в цвете сил и своего научного творчества. Он оставил после себя немало монографий и статей и издания различных памятников франкской эпохи.

Самым главным и наиболее ценным трудом Гопфа является «История Греции с начала средневековья до новейшего времени» (*Geschichte Griechenlands vom Beginne des Mittelalters bis auf die neuere Zeit. 1867—1868*).

«История Греции» Гопфа прежде всего поражает обширным знакомством автора с источниками, особенно в тех частях книги, где он пользовался собранными им рукописными сокровищами. Наибольшее место в труде Гопфа занимает история франкского владычества на Востоке; основывая свое изложение на массе рукописного, архивного материала, он, можно сказать, первый подробно изложил внешнюю историю этого владычества не только в главных центрах, но и на мелких островах Эгейского моря. Так как не все собранные Гопфом рукописные материалы еще изданы, то в некоторых местах его книга является не только пособием, но и источником.* В его же истории подробно разобран вопрос о славянах в Греции. В этом отделе книги Гопф выступает против известной теории Фалльме-

* В соответствующем месте русской версии здесь стоит несколько слов, которые были затем исключены А. А. Васильевым из последующих изданий. Между тем для характеристики сочинения Гопфа они важны. Согласно А. А. Васильеву, выборочная проверка сообщаемых Гопфом сведений показывает, что они не всегда точны (А. А. Васильев. Лекции по Истории Византии... с. 20).

райера, утверждавшего, что в крови современных греков не течет ни капли древней эллинской крови и что современные греки являются потомками вторгнувшихся в Грецию в эпоху Средних веков славян и албанцев.¹

К сожалению, важное и ценное сочинение Гопфа издано в старой и мало распространенной «Общей Энциклопедии наук и искусств» Эрша и Грубера (Ersch—Gruber. Allgemeine Enzyklopadie der Wissenschaften und Kunste, тома 85 и 86). Неудовлетворительно исполненное издание «Истории» Гопфа не имеет не только столь нужного для такой работы указателя, но даже простого оглавления; поэтому пользование этим изданием, с чисто внешней стороны, представляет большие трудности. Затем, сочинение Гопфа в том виде, как мы теперь его имеем, очевидно, не было еще вполне обработано автором: материал расположен без строго определенного плана; язык — сухой и тяжелый; читается книга нелегко. Но громадное количество свежего, неизданного материала, введенного в сочинение Гопфа и иногда почти открывавшего целые новые страницы средневековой истории Греции в эпоху франкского владычества, позволяет считать труд немецкого ученого в высшей степени важным.* В настоящее время рукописное наследство Гопфа находится в Берлинской Королевской библиотеке и представляет богатый материал для историков.

В последующие годы многие немецкие исследователи использовали сочинение Гопфа в написании более читаемых работ по средневековой греческой или византийской истории. Из таких историков по меньшей мере должны быть упомянуты двое: Герцберг и Грегоровиус.

Герцберг. Герцберг (Hertzberg), занимаясь некоторое время историей древней Греции и Рима, перешел затем к Средним векам и написал два сочинения общего характера: 1) «История Греции со времен окончания античной жизни до настоящего времени» («Geschichte Griechenlands seit dem Absterben des antiken Lebens bis zum Gegenwart». 4 части, Гота, 1876—1879); 2) «История византийцев и османского государства до конца XVI века» («Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches bis gegen Ende des sechszehnten Jahrhunderts». Берлин, 1883). Эти два сочинения, не представляя собою самостоятельных исследований в полном смысле этого слова, ввели, можно сказать, многие резуль-

¹ Об этом любопытном вопросе речь будет ниже.

* В соответствующем месте русской версии далее следует фраза, которая не была включена в последующие издания труда А. А. Васильева. Между тем она представляется существенной для характеристики научного наследия Гопфа: «Гопф умер рано, не успев ни использовать, ни издать всего собранного им рукописного материала» (А. А. Васильев. Лекции по истории Византии... с. 21).

таты работ Гопфа в более обширный круг читателей, тем более что они написаны хорошим, легким языком.

Второе сочинение вышло в русском переводе П. В. Безобразова с примечаниями и приложениями под заглавием: Г. Ф. Герцберг. «История Византии» (Москва, 1896). Русский перевод этого сочинения, сравнительно с немецким оригиналом, особенно ценен тем, что П. В. Безобразов в примечаниях не только указывал новую литературу предмета, но и прибавил к книге несколько приложений, в которые ввел главнейшие результаты работ русских ученых в области внутренней истории Византии, оставляемой Герцбергом в стороне, а именно: Большой дворец и придворный церемониал; ремесленные и торговые корпорации; крестьяне; крестьянская община и Земледельческий устав; меры в защиту крестьянского землевладения и закрепощение крестьян; положение крепостных, крестьянские надельные и писцовые книги; податная система и злоупотребления сборщиков податей. Последнее сочинение Герцберга* очень полезно для первоначального ознакомления с византийской историей.

Грегоровиус. Вторым ученым, положившим труды Гопфа в основание своей работы, был Грегоровиус (F. Gregorovius), пользовавшийся уже до этого вполне заслуженной известностью благодаря своему большому сочинению по истории Рима в Средние века. Работа над средневековой историей Рима навела автора на мысль приступить к средневековой истории другого культурного центра древности — Афин. Результатом последней работы явилась двухтомная «История города Афин в средние века» (Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter. Штуттгарт, 1889). Книга Грегоровиуса построена на трудах Гопфа, образовавших, по словам автора, прочное основание для всех работ, которые с тех пор велись в данной области и которые еще появятся в будущем.¹ Но Грегоровиус привлек для своей работы также культурную жизнь страны, чем, как известно, Гопф не занимался. Грегоровиус блестяще справился со своей задачей. Воспользовавшись материалами, появившимися после Гопфа, он дал пластическое изложение истории средневековых Афин на фоне общей истории Византии и довел изложение событий до провозглашения греческого королевства в XIX веке.**

* В соответствующем месте русской версии есть еще три слова, опущенные в последующих изданиях: «особенно в русском переводе» (А. А. Васильев. Лекции по истории Византии... с. 22).

¹ F. Gregorovius. Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter von der Zeit Justinian's bis zur türkischen Eroberung. Stuttgart, 1889. Bd. I, S. XVIII—XIX.

** В соответствующем месте русской версии есть еще одна фраза, опущенная в последующих изданиях: «Сочинение Грегоровиуса существует в русском переводе (СПб., 1900) и может быть с большой пользой прочтено всеми интересующимися историей Византии» (А. А. Васильев. Лекции по истории Византии... с. 23).

ОГЛАВЛЕНИЕ

- А. Г. Грушевой.* К переизданию цикла общих работ
А. А. Васильева по истории Византии
- Глава 1. Очерк разработки истории Византии
- Глава 2. Империя от времени Константина до Юстиниана
Великого
- Глава 3. Юстиниан Великий и его ближайшие преемники
(518—610 гг.)
- Глава 4. Эпоха династии Ираклия (610—717)
- Глава 5. Иконоборческая эпоха (717—867)
- Глава 6. Эпоха Македонской династии (867—1081) . . .